

Константинополь.

МОСКВА.

Типо-Литография Н. Н. Куманни, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 1 Октября 1900 г.

Посвящаю женѣ моей
Графинѣ Еватеринѣ Павловнѣ
Шереметевой.

Константинополь.

(Стамбуль. Царьградъ).

„Царьградъ стоитъ на три угла. Дѣй стѣны отъ моря, а третью отъ западу пристула лѣва рутмыкъ. Въ персиѣ углы отъ Бѣлаго моря созданы Ступлѣиный монастырь; по второму углу созданы Св. Юрія монастырь, зовемыи Монганъ; а сей быше первое градець мала, зовемыи Византия, напротивъ Скутаря. А мѣсто, зовемое Скутарь, есть на оной странѣ моря, и есть ту торгонище: сѣзжаются Турчане, а съ сея страны Греки и Фризале, и торгуютъ межъ собою. Въ третьемъ углу стоитъ церковь Влахерна. Отъ Лимени поныше мало стоитъ Царева палата; а за Ликеномъ стоитъ Фринисій градъ, красенъ и добръ и лѣпъ.“

Сахаровъ. Сказ. рус. нар., т. II, кн. 8, стр. 62.

„Золотые сны, голубые сны
Сходятъ къ намъ съ небесъ ия лучахъ луны.
Нѣгой дышетъ ночь, что за роскошь въ ней!
Нѣтъ, нигдѣ такихъ не видать ночей!
И молчать она, и пость она,
И душѣ одной ночи пѣснь слышна“.

Кн. Васильскій.

Разсвѣтъ въ утро 8 октября 1899 года не обѣщалъ ничего хорошаго. Послѣ утомительнаго двухсуточного пути отъ Вѣны и Будапеста, черезъ Бѣлградъ, Софію и Филиппополь, поѣздъ нашъ медленно подходилъ къ берегу Мраморнаго моря. Было раннее утро и пасмурное. Мы только что миновали селеніе Санъ--Стефано, и пригороды Константинополя уже тянулись по вѣсѣмъ направ-

леніямъ. Беспорядочныя, неуклюжія деревянныя зданія, грязь и зноионіе.— вотъ первыя впечатлѣнія Цариграда, и сразу насъ охватило грустное чувство разочарованія, невяжущееся съ обычными описаніями впечатлѣній туристовъ.

Поѣздъ шелъ черепашинымъ шагомъ, пересѣкая извилистыя, кривыя и узкія улицы; дождь уже накрапывалъ, а небо совершенно заволокнулось, и тѣмъ не менѣе нельзя было отойти отъ окна, все хотѣлось чего-то дожидаться,—и вотъ мы дождались!

Внезапно передъ нами промелькнуло что-то исполинское и чудесное, сразу захватившее все вниманіе, и духъ замеръ отъ волненія и восторга!..

Передъ нами была древняя твердыня Цариграда съ зубчатыми стѣнами и башнями временъ Кесарей Рима и Василевсовъ Византіи. На краю, справа у самаго Мраморнаго моря, возвышаются зданія Семибашеннаго замка, стѣны виднѣтся рядъ воротъ, между которыми, какъ мы узнали, были ворота Св. Романа, гдѣ палъ послѣдній Константинъ. И все это промелькнуло, какъ одно мгновеніе, и поѣздъ пытая, съ пронзительнымъ свистомъ, остановился у зданія желѣзно-дорожной станціи.

Мы не успѣли опомниться, какъ насъ захватили переводчики, носильщики, кавасы; еще мигъ, и мы очутились въ четырехмѣстной каретѣ и ѣхали по невѣроятно узкимъ улицамъ стараго Стамбула, т. е. втрѣій—двигались шагомъ по дорогѣ, переполненной прохожими, съ лавками по

сторонамъ, откуда красовались всякіе пожитки, съѣстные припасы и доносился разнообразѣйшій, далеко непривлекательный запахъ. Безконечно долго казалось намъ это странствіе, послѣ двухъ тяжкихъ ночей въ вагонѣ и сильнаго утомленія. Но вотъ дотащились мы до моста, переправились черезъ Золотой Рогъ и совершенно разбитые и измученные прибыли въ спокойную пристань роскошной гостиницы Pera Palace, гдѣ тотчасъ размѣстились удобно и уютно въ свѣтлыхъ комнатахъ съ балконами и съ видомъ на Золотой Рогъ.

Была пятница, т. е. день „Селамлика“ — Султанскаго приѣма. Первое, что бросилось въ глаза, — это башня Галаты, на которой развѣвался красный флагъ съ полумѣсяцемъ. Изъ оконъ открывалась красивая панорама, но Св. Софін не было видно.

Вскорѣ раздалась военная музыка, и мимо нашихъ оконъ прошли Турецкія войска, идущія въ Ильдизъ-Кіоскъ на Селамликъ. Толпа мальчишекъ оборвышей разныхъ возрастовъ шла за ними, и множество собакъ сразу бросилось въ глаза на всѣхъ перекресткахъ. Передъ окнами появился ручной медвѣдь, котораго показывали за деньги; раздавались многообразные голоса на улицѣ, крики, возгласы самыя необычайныя, которые почти не умолкаютъ, и ночью становятся еще раздражительнѣе.

Мы пошли завтракать въ общую залу, весьма роскошную, со всѣмъ внѣшнимъ европейскимъ

блескомъ, но-столъ посредственный и прислуга вялая.

Сильно утомленные, мы надѣялись на отдыхъ ночью и рано разошлись. Было такъ тепло, что окна могли остаться открытыми.

Не успѣли мы прилечь, какъ встѣхъ разбудилъ раздражающій душу уличный крикъ, отчаянные голоса зывали словно о помощи, и въ звукахъ этихъ было что-то тревожное, зловѣщее и зывающее...

Несколько взглянули мы въ окно и увидѣли кровавое зарево. Пожаръ! Это обычное явленіе въ Константинополѣ, а крики о помощи—средство пробудить вниманіе полиціи и населенія.

И такъ прошла вся ночь, а на другой день мы узнали, что было нѣсколько пожаровъ, и долго еще мы видѣли дымящіеся остатки зданій, догоравшихъ безъ всякаго явнаго признака впомогательной дѣятельности.

Первымъ и сильнымъ впечатлѣніемъ Константинополя— была прогулка по узкой полуевропейской rue de Pera, здѣсь все идутъ пѣшкомъ безпорядочною толпою и по камнямъ мостовой. Всадники и экипажи нисколько не стѣсняють толпы— и обратно. Пестрота и движеніе на улицахъ сразу кружатъ голову.

Но вотъ мы идемъ все дальше, уже спускаясь по направленію къ Галатскому мосту; сквозь пѣлый рядъ домовъ виднѣется голубая полоска Золотаго Рога и зданія Стамбула, и вдругъ въ пестрой, но отчетливой рамкѣ домовъ улицы Перы

показалось зданіе съ минаретами и пристройками, съ величественнымъ — обширнымъ куполомъ, сразу ошеломляющее своею внушительностью. Мы спросили въ сосѣдней лавочкѣ, что это за зданіе? Намъ отвѣтили: „Святая Софія!“

Все пребываніе наше въ Константинополѣ продолжалось двѣ недѣли. Припомню тѣ впечатлѣнія, которыя съ особенною силою вѣзались въ память.

Мы начали съ Азіатскаго берега; день былъ жаркій, и солнце сіяло ослѣпительнымъ блескомъ. Обычная толчая на Галатскомъ мосту не поддается новому описанію; все, что можно сказать, найдется въ книгѣ „Константинополь“) и прибавлять нечего. Съ помощью нашего переводчика (Leon Pardowitz'a) мы отлично размѣстились на палубѣ одного изъ маленькихъ рѣчныхъ пароходовъ.

Разнообразное и необычайно смѣшанное общество повсюду насъ окружало.—Турки, Греческіе монахи, студенты духовной академіи, женщины съ затѣями европейскаго шегольства, дѣти разныхъ возрастовъ, и всюду фески, фрески... Вамъ предлагаютъ купить разныя издѣлія сомнительнаго происхожденія, передъ вами снуютъ Турки съ подносами въ рукахъ и угощаютъ сладкимъ или кофе. „Safedjus!“ раздается однообразный возгласъ быстро проходящихъ съ подносами, тутъ же продаютъ газеты, выкрикивая на разные голоса:

*) „Константинополь“, соч. Крауфорца, пер. гр. Е. П. Шереметевъ.

„Levant herald—Servet;“ и листки быстро расходятся по рукамъ. Но вотъ наконецъ пароходъ нашъ тронулся съ пристани Золотаго Рога и держитъ курсъ на противоположный берегъ Босфора къ выдающемуся мысу, на которомъ лѣнятся зданія Kadikieu древняго Халкидона.

По мѣрѣ отдаленія отъ берега, отчетливѣе выступаютъ очертанія Константинополя влоди Босфора и Мраморнаго моря съ парижскою надъ всѣмъ Св. Софіею. Не сразу справишься съ этимъ впечатлѣніемъ—до того оно сильно. Мы плывемъ къ древнему Халкидону, и передъ нами Мраморное море, залитое солнцемъ. Лазурныя воды отражаются, какъ зеркало, а на горизонтѣ розовыя очертанія Принцевыхъ острововъ, поражающія мягкостью переливовъ и прозрачностью воздуха...

По мѣрѣ приближенія къ Азіатскому берегу, выступаютъ пестрою картиною берега Босфора съ рядомъ дворцовъ и принадлежащихъ къ нимъ зданій. На первомъ планѣ Долма-Бахче, твореніе Абдулъ Азиса; передъ нимъ рядъ однообразныхъ казарменныхъ зданій это гаремы различныхъ султановъ; еще дальше таинственный Чераганъ... Но пароходъ нашъ уже причалилъ, быстро брошенъ канатъ, хотя долго еще нельзя подойти къ лошадямъ.

Набережная кишитъ народомъ, раздаются различные возгласы, крики, вась обдаетъ определеннымъ чесночнымъ запахомъ. Переводчикъ торопитъ, чтобы выполнить предначертанную программу дня. Дорогою онъ усердно дѣлится

свѣдѣніями и дастъ объясненія; „Madame la Comtesse, regardez bien—cette mosquée, telle quelle, elle date de...“ или: „C'est bysantin, c'est bysantin“ — и при этомъ произносить: „ting“ — съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Мы сѣли въ мѣстную колымагу и двинулись въ гору и далѣе за городъ въ поле, за которымъ тянется древнее Турецкое кладбище. Это пыльный лѣсъ кипарисовъ, между которыми торчатъ памятники, осыпанные чалмами и фресками.

Впечатлѣніе кладбища сильное и внушительное, въ особенности когда мы въѣхали въ удивительный этотъ лѣсъ и простѣкою, окаймленною надгробіями, подъ тѣнью кипарисовъ, достигли мавзолея, на другихъ непохожаго и поражающаго тяжестью своего величія. Это могила — по не чело-вѣческая. Здѣсь погребенъ „копѣ“ Магомета II, на которомъ онъ вступилъ въ Константинополь! Кладбище-на Азіатскомъ берегу, по преданію Турецкому, обезпеченіе отъ будущихъ случайностей.

Отсюда начался подъемъ въ гору; красивая дорога ведетъ уступами къ загороднымъ дворцамъ различныхъ нашихъ, за которыми еще выше нужно подниматься нѣшкомъ на гору *Bulgurlu*. — Это любимая прогулка туристовъ, прославленная недавнимъ посѣщеніемъ Императора Вильгельма II.

Преодолевъ всѣ препятствія, мы взобрались наконецъ на эту гору, гдѣ дуютъ сильные вѣтры а защитой служатъ лишь палатка и легкій досча-

тый трактиръ. Но стоило преодолѣть всѣ эти трудности. Картина открывается съ высотъ Bulgurlu на весь Босфоръ, отъ Мраморнаго моря до Чернаго и не поддается описанію. Стоишь въ полномъ восторгѣ и не наглядяшься! Стало однако свѣжѣть, и Leon Pardowitz торопилъ насъ обратно, чтобы не опоздать въ Скутари къ послѣднему пароходу. Опять мы сѣли въ коляску и спустились къ Скутари, гдѣ дома поражали своею мрачною замкнутостью. Окна закрыты и завѣшаны, и жизнь въ нихъ словно замерла и заглохла среди этихъ, сокрытыхъ отъ взоровъ, женщинъ, еще не пробудившихся отъ азіатскаго сна.

Уже вечерѣло, когда мы опять сѣли на пароходъ въ Скутари.

Надъ Св. Софіею опускалось солнце, багровыми лучами озарявшее волны Босфора. Какое-то невиданное нигдѣ сіяніе царило надъ куполомъ Іустиніанова храма, лучи эти боролись съ надвигавшимся мракомъ; отовсюду облачныя темныя полосы побѣждали свѣтъ, и только тамъ, гдѣ нѣкогда сіялъ крестъ, только надъ самымъ куполомъ собора лучи снопомъ расходились во все стороны. Но видѣніе это длилось не долго, и когда мы Галатскимъ мостомъ прибыли домой, все уже исчезло, и мракъ побѣдилъ.

Я помню другое ослѣпительное, яркое утро. На голубомъ небѣ ни единого облачка. Легкая „бриза“ покачиваетъ безчисленные канки у Галатскаго моста; мы садимся въ одинъ изъ этихъ канковъ, гребутъ два старыхъ грека, съ которыми

нашъ драгоманъ обмѣнивается нѣсколькими словами на новогреческомъ языкѣ. Сильно гребутъ старики, и какъ нашъ скользитъ по Золотому Рогу, направляясь къ мечети Эйюба. Передъ нами развертывается чудная картина: оба берега спускаются къ заливу, и вы любуетесь причудливыми очертаніями Стамбула, съ тѣми же кривыми, грязными улицами, съ домами безъ архитектуры, и сквозь наносную грязь и вѣшній отпечатокъ Ислама вамъ чудится далекое славное прошлое — тѣ времена, когда отъ Византіи разливались повсюду свѣтъ Христовъ и истинное просвѣщеніе!..

И вдругъ передъ вами виднѣтся куполь убогаго храма, а на немъ одинокій крестъ отчетливо рисуется на воздухѣ, и въ тоже время раздается благовѣсть. Этотъ неожиданный колокольный призывъ своимъ тихимъ звономъ надъ развалинами Влахернскаго храма невольно переносилъ въ дорогое, отдаленное прошлое.

Мѣрно раздавался благовѣсть съ церкви Патріаршей, а какъ нашъ уходилъ все дальше и дальше къ устью рѣки, у Сладкихъ водъ Европы, впадающей въ Золотой Рогъ. Кругомъ все было мирно и покойно, солнце сіяло полнымъ блескомъ, а какъ нашъ беззвучно и плавно скользилъ по водамъ. На пристани Эйюба мы вышли на берегъ. Мечеть Эйюба, въ которую и мусульмане не имѣютъ права войти, — это священное мѣсто Магометанъ: съ нимъ связаны преданія о паденіи Царяграда, и Турки ревниво и суевѣрно оберегаютъ эту святыню. Здѣсь каждый Султанъ при вступле-

ни на престолъ препоясывается мечемъ Магомета II. Мы поднялись по скалистымъ ступенямъ горы, обсаженной стройными кипарисами, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шире и удивительнѣе открывался видъ на Константинополь. На одномъ изъ поворотовъ намъ посоветовали остановиться и оглянуться. Сквозь просѣку кипарисовъ сверкали воды Золотого Рога, а въ глубинѣ картины, среди наслоеній городскихъ зданій, стройно высилась и красовалась во всемъ величїи—Святая Софія. Стоило преодолѣть всѣ трудности пути и восхожденія: за все мы были награждены неподражаемымъ и невыразимымъ зрѣлищемъ.

„Тамъ, предъ Эвбромъ живописнымъ,
Внчится лѣсомъ кипариснымъ,
Картина чудной красоты
Свою раскинула узору;
Тамъ въ нѣбѣ утопаютъ взоры,
И сходятъ на душу мечты.
Тамъ, какъ нилія гробовныя,
Одѣвшись въ дѣвѣй свой покровъ,
И неподвижно, и безъ словъ
Сидятъ Турчанки молодыя
На камняхъ имъ родныхъ гробовъ.
Волшебный край! Шехерзады
Живая сказочная почва!
Души дремоты и улады
Тамъ умъ не въ силахъ пронозить;
Тамъ вѣчно свѣжи сновидѣнья;
Живешь безъ цѣли, на обумъ,
И засыпаютъ снами заблещья
Дней прежнихъ суетность и шумъ.“

И вотъ опять мы въ канѣ и плывемъ къ устью рѣки, по направленію Сладкихъ водъ Европы. Дважды сажались мы на мель за мелководьемъ, но наконецъ попали въ настоящее русло и под-

нялись вверхъ по теченію, долиной окруженной возвышенностями, вдоль плоскихъ и низменныхъ береговъ, вплоть до дворцовъ Султанскихъ и загородныхъ его дачъ;—это любимое гулянье Турецкихъ женщинъ различныхъ гаремовъ, но въ другое время: теперь тамъ было пустынно и безлюдно. Коляска насъ дождалась у Сладкихъ водъ. Мы покинули какъ и вернулись нагорной дорогой мимо Русской больницы и черезъ пригородъ въ Константинополь.

Отрадно видѣть, что положено прочное и хорошее начало Русскому благотворительному дѣлу тамъ, гдѣ оно всего нужнѣе,—для поднятія значенія и обаянія русскаго имени.

Быть въ Константинополѣ и не видѣть базара—совсѣмъ немыслимо. Это невообразимое зрѣлище,—хотя и описано многими туристами,—но нужно его видѣть, чтобы имѣть дѣйствительное о немъ понятіе. Европейцамъ должно оно казаться особенно страннымъ. Намъ русскимъ многое съ родни въ подобномъ базарѣ. Вѣдь наши Московскіе ряды, какъ они были до передѣлки, не родственны ли подобному базару, да и Тифлисъ съ своимъ Майланомъ слабо напоминаетъ эту Константинопольскую толчею. Здѣсь все въ размѣрахъ исполинскихъ и безконечныхъ. Здѣсь безчисленное количество ходовъ и улицъ, соединяющихся между собой и переплетающихся по всѣмъ направленіямъ: и товарамъ всякимъ нѣтъ числа, и запахамъ разнообразнѣйшимъ нѣтъ предѣловъ, и типовъ всякихъ не оберешься. Это муравейникъ

удивительный, неподражаемый, возможный только на почвѣ такихъ городовъ, какъ Стамбулъ.

Припоминается мнѣ особое впечатлѣніе за литургіей въ церкви нашего Посольства. Діаконъ на сктеніѣ возглашаетъ прощаніе: „О великомъ градѣ семъ, о царствующихъ градѣхъ, о всякомъ градѣ и странѣ и вѣрую живущихъ въ нихъ!“ Жаль что церковь наша такъ высока и не для всѣхъ доступна. Еще болѣе жаль, что нѣтъ у насъ тамъ открытаго православнаго храма. Казалось бы онъ тамъ нужнѣе, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ южной Франціи, гдѣ возникновеніе церквей иногда дѣло случая или—прихоти.

Глубоко запечатлѣлся въ памяти тотъ день, когда мы воспользовались даннымъ разрѣшеніемъ осмотрѣть музеи и дворцы, древности и собранія помѣщеній стараго Серая. Съ легкой руки Французовъ—принято давать совсѣмъ произвольное толкованіе слову *Serai*. *Serail*, по французски имѣетъ тоже значеніе, какъ *harem*. Всякій Турецкій правовѣрный домъ раздѣляется на двѣ отдѣльныя части—одну называютъ *selamlık* приемная, другую *harem*—домашняя часть, а *Serail* происходитъ отъ слова *serai*, т. е. по Турецки все же дворецъ. „*Moskow Serai*“—говорятъ и теперь, когда указываютъ на Русское посольство, слѣдовательно мѣсто стараго Серая—это мѣсто „Сарай“, т. е. дворца. Вся часть города, гдѣ расположенъ этотъ Сераль, это, собственно говоря, древняя Византія. Весь городъ расположенъ на мысу, отдѣляющемъ Золотой Рогъ отъ Мраморнаго

моря, и лицомъ къ Босфору. Мы проникли въ этотъ старый Serai послѣ осмотра сокровищъ султанскихъ. Осмотръ этотъ сопряженъ съ многоразличными церемоніями. Особый чиновникъ открываетъ вамъ желѣзныя двери хранилища, цѣлая „команда“ людей въ фескахъ толпится и даетъ вамъ проходъ, преклоняясь почтительно. Самый осмотръ однако стѣсняется сознаниемъ строгаго наблюденія и недовѣрія. Шкафы и витрины музея заключаютъ въ себѣ множество цѣнныхъ предметовъ, между которыми случайно попадаются однако и самыя обыкновенныя.

Особенно интересно и бросается въ глаза собраніе чалмовъ различныхъ султановъ, начиная съ Магомета II. Каждый султанъ видоизмѣняетъ чалму, на которой изображено брилліантовое украшеніе, осыпанное и другими драгоценными камнями.

Трудно было спокойно и сознательно осматривать собранія; меня раздражали лица, недовѣрчиво и подозрительно озиравшія во время осмотра, и я спѣшилъ уйти изъ этого мрачнаго зданія.

Насъ провели дворомъ Серая, довольно запущеннымъ, въ Кіоскъ, принадлежащій къ старому дворцу султановъ. Послѣдніе его покинули послѣ Махмута. Фактически, — султаны оставили Константинополь и поселились на его окраинахъ. Оставленный дворецъ представляетъ изъ себя странное зрѣлище. Мы любовались изразцами его и перешли по террасѣ въ другой кіоскъ на самомъ мысу Серальскаго дворца. Отсюда мы

вышли на террасу, гдѣ насъ угостили прекраснымъ шербетомъ и кофе отъ имени султана. Все это было до того необычно, что трудно было сосредоточить мысль. Когда же мы вышли на уголь террасы, такъ называемой „la pointe du Serail,“ то едва могли воздержаться отъ выражений восторга. Кто видѣлъ эту картину, тотъ не забудетъ ее до конца дней. Много слышался о красотахъ Серали, но все испытанное превзошло ожиданіи.

Мы долго смотрѣли вокругъ въ нѣмомъ восхищеніи. Передъ нами вся роскошь послѣдователей Пророка и счастливыхъ побѣдителей Византіи. Кіоски съ журчащими фонтанами гласятъ о гаремныхъ тайнахъ. Печать Ислама чувствуется повсюду, но это только первое поверхностное впечатлѣніе. Вглядитесь пристальнѣе, и вы увидите выступающую колонну Цезаря, увидите крѣпостную стѣну, которая тянется по всему берегу. Охватите взоромъ все: всю картину отъ Мраморнаго моря вдоль Босфора и до Принцевыхъ острововъ: во истину это царственный видъ, и царственность эта не есть отраженіе Магометанскаго міра, а нѣчто иное, болѣе глубокое и близкое, что чувствуется всюду, — въ нѣдрахъ земли, среди развалинъ, и тамъ, гдѣ изъ за кучи мусора и за слоемъ краски выступаетъ древній Византійскій крестъ. Мгновенно васъ остигаетъ мысль, что вы стоите на гробахъ и на той землѣ, которая пропитана кровью, что мѣсто, на которомъ находитесь, „свято есть!“ Въ одномъ звукѣ — „Византія“ — сколько понятій и

образовъ и видѣній минувшаго, сколько блеска и славы, торжества, и паденій! Какой могучій лучъ свѣта озарилъ отсюда всю вселенную, и какъ низко было паденіе отрeksiагося отъ духа благочестія и выродившагося престола. Такова судьба царствъ наслѣдственныхъ, когда слабѣтъ въ нихъ вѣра и гложутъ добрыи и крѣпкія преланія. И все это разомъ захватываетъ духъ, слово нѣмѣтъ, и не знаешь, на яву ли всё это, или сновидѣніе.

Но все прошло и скрылось; мы незамѣтно очутились въ каикѣ султана. Двѣнадцать широкоплечихъ, нарядныхъ гребцовъ съ выразительными, смуглыми, морщинистыми лицами дружно ударили въ весла, — это гребцы Султана. Они сильно навалили, видимо желая отличиться на глазахъ султанскаго адъютанта. Вѣтеръ свѣжѣтъ, каикъ слегка покачивается на волнахъ, но сидѣтъ въ немъ, легко и спокойно; васъ убаюкиваетъ морская соленая волна, слегка обрызгивая свѣжею пѣною. Каикъ наконецъ пересѣкаетъ Босфоръ и приплываетъ къ противоположному Азіатскому берегу у дворца Beylerbey.

Изящный дворецъ Абдулъ Азиса, въ которомъ нѣкогда гостила Императрица Евгенія, это очаровательный уголокъ, гдѣ нѣтъ другихъ впечатлѣній кромѣ навѣянныхъ Исламомъ.

Роскошныя комнаты дворца поражаютъ размѣрами и свѣтомъ; но всего удивительнѣе помѣщеніе гарема. Здѣсь бьютъ фонтаны, и среди зала большой подосмъ съ мраморными ступеньками для удобства купающихся. Вокругъ дворца бога-

тая растительность сада, у самого Босфора кіоскъ съ ступеньками на воду... Это сказка изъ „Тысячи и одной ночи!“

Когда мы вернулись къ кайку, вѣтеръ еще болѣе засвѣжѣлъ. Мы поплыли на перерѣзъ по направленію къ дворцу Долма-Бахче. Покачивало изрядно, и брызги летѣли, освѣжая лицо. Дворецъ Долма-Бахче роскошенъ, но не изященъ, и за исключеніемъ султанской бани со стѣнами изъ морской пѣны остальное сомнительнаго и тяжелаго вкуса.

Весь день намъ мерещилось все видѣнное въ Старомъ сералѣ, тѣни прошлаго не давали покоя, и, чередуясь своимъ историческимъ гнетомъ, воспламеняли воображеніе.

Конечно, всякому посѣтителю Константинополя слѣдуетъ прокатиться по Босфору. Пароходы снуютъ то и дѣло, останавливаясь на многочисленныхъ пристаняхъ Европейскаго и Азіатскаго берега. Опять передъ нами султанскій дворецъ Долма-Бахче и Чараганъ на Европейскомъ берегу, Бейлербей-на Азіатскомъ. Посольства разныхъ государствъ имѣютъ свои дома на Босфорѣ. Въ Терапіи посольство Нѣмецкое владѣетъ чуднымъ садомъ вокругъ красиваго зданія, только Французское посольство въ старомъ домѣ и по архитектурѣ своей—это типъ прежней Турецкой постройки.

Всего лучше, по мнѣ, расположено наше посольство въ Буюкъ-Дере. Изящный домъ съ флигелями и дворомъ, въ который вѣѣзжаютъ воротами съ набережной. Сзади—роскошный садъ съ дорожками безъ конца, террасами и нагорными

прогулками подъ тѣнію каштановъ и дубовъ
исполиновъ. По сосѣдству роскошный лѣсъ,
служащій любимую прогулкою.

„Предъ минаретми Пророка,
Тамъ, гдѣ, обвѣтый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ востока,
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ.“—

Тамъ открывается широкій, привольный видъ,
и мы долго, пользуясь радушнымъ гостепріим-
ствомъ уважаемаго посла нашего П. А. Зи-
новьева, гуляли въ чудномъ саду. Набережная
Буюкъ-Дере—это мѣсто люднаго лѣтняго гу-
лянья, когда все константинопольское общество
живетъ на Босфорѣ, съ балконовъ Буюкъ-
Дере уже видно Черное море и конечные бере-
говые утесы съ воздвигнутыми на нихъ баттарсями
и Крупповскими орудіями. Живописны и лежащія
наспротивъ Сладкія воды Азіи, но лучшая
краса Босфора—это укрѣпленный Румели-Гис-
саръ на томъ мѣстѣ, гдѣ пролилъ всего уже.
Мѣсто это издревле славилось, какъ переп-
рава переселяющихся народовъ. Оно произво-
дитъ сильное впечатлѣніе. Оба берега укрѣплены
древними башнями съ зубчатыми стѣнами. Эта
твердыня, нѣкогда ключъ къ Византіи, наконецъ,
подпала подъ Турецкое владычество. Съ покореніемъ ея дни Константинополя уже были сочтены.
Отсюда Турки перешли на Европейскій мате-
рикъ. Но напрасно приписываемъ мы побѣдите-
лимъ въ 1453 году весь вандализмъ, все невы-
разимое изуверство людей западныхъ, именую-
щихъ себя христіанами-крестоносцами. Конечно,
послѣдними нанесенъ главный ударъ Византіи, и

только благодаря этой западной пзмѣнѣ и безпримѣрному Римскому фанатизму учиненъ грабежъ небывалый, и нанесена та рана, которая уже зажить не могла.

23 іюня 1203 года появились Крестоносцы у С. Стефана. Вотъ первое ихъ впечатлѣніе по словамъ западнаго лѣтописца: „Ils virent la veille de S-t. Jean Baptiste en Juin à St. Etienne une abbaye qui etait a trois lieux de Constantinople. Et alors aux des nefes et des galeries et des huisseries virent tout en plein Constantinople et ils prirent port et ancrèrent leurs vaisseaux or vous pouver savoir qu'ils regarderent beau coup Constantinople, ceux qui jamais ne l'avaient vu, car ils ne pouvaient penser qu'il put être en tout le monde une si riche ville“...*)

А потѣ простой рассказъ нашего Лѣтописца.

„Въ лѣто 6712.... пожженъ бысть градъ и церкви несказны лѣпотою, имъ же не можемъ числа сповѣдати... Внидоша въ градъ Фризи всѣ апрѣля въ 12 день... Заутра же солнцю въ сходящю, внидоша въ святую Софію и одѣраша двери и разсѣкоша, онболъ окованъ быше весь сѣребромъ и столпы серебряныя 12, а 4 кивотныя и тябло нѣсѣкоша и 12 крестовъ, иже надъ алтаремъ бяху межѣи ими шишкы, яко древа вышша и преграды алтарныя межѣи столпы, а то все серебряно, и трапезу чудную одраша драгый камень и велій жемчугъ, а саму невѣдомо камою дѣша; и 40 кубковъ великихъ иже бяху предъ алтаремъ и паникадила и свѣтильна серебряная, яко не можемъ числа повѣдати; съ празднич-

*) Vilhardel. Chr.

ными сосуды безцѣнными поимаша служебные евангеліе и кресты честныя, иконы безцѣнная вѣѣ одраша. А Святую Богородицю, иже во Влахернѣ... и ту одраша. Инѣхъ же церквей не можетъ человѣкъ сказать, яко безъ числа. Иныя церкви въ градѣ и вѣнѣ града и монастыри въ градѣ и вѣнѣ града пограбиша вѣѣ, имъ же не можемъ числа, ни красоты сказати* *).

Таково было нашествіе этихъ варваровъ, конечно, затмившее всякое варварство Турецкое. Позорная година позорной памяти нашествія Западнаго, крестоноснаго!

Впечатлѣнія такъ часто мѣняются и такъ они сильны, что подъ конецъ совершенно утомляешься отъ постоянного восхищенія. На Босфорѣ большое движеніе, а на горизонтѣ Мраморнаго моря видѣются отдаленные паруса.

Станціонеры вѣѣхъ пословъ стоятъ тутъ же у пристани Топхане, Турецкая яхта Jzzedin не трогается съ мѣста уже давно.

Вообще, на Золотомъ Рогѣ цѣлый лѣсъ разнообразныхъ мачтъ. Какихъ тутъ нѣтъ судовъ, всевозможныхъ типовъ и націй? Это одинъ изъ лучшихъ портовъ міра, въ которомъ и въ древнія времена держались сильныя многочисленныя флоты

Но куда бы вы ни направлялись, въ любую сторону, вы не можете оторваться отъ одного вида; всегда и вездѣ за вами этотъ видъ, и па-

*) Полн. собр. рус. лѣтоп. т. III, стр. 28—29.

рнть онъ повсюду съ подавляющимъ величіемъ.—Это Св. Софія.

Но мы не торопились туда. Недостойно было проникнуть въ нее заурядъ при осмотрѣ другихъ зданій. Св. Софія должна быть предметомъ отдѣльнаго посѣщенія, и войти въ нее нельзя просто; обычай подавать сандалии напоминаетъ о другомъ. Здѣсь именно нужно снять обувь ради святости мѣста. Прошли вѣка, и дуновение Ислама казалось задушило всѣ зародыши жизни и развитія. Все же и донынѣ подавляющая картина Св. Софіи заставляетъ васъ встрепенуться, и сердце забьется охваченное преданіями вѣковыми.

Чѣмъ дольше длилось пребываніе въ Константинополѣ, тѣмъ отчетливѣе выдвигались Византійскія тѣни. Нашъ проводникъ искусно расположилъ время для осмотра и выбора памятниковъ. Долго любовались мы на богатѣйшій музей съ саркофагомъ, приписанный Александру Македонскому, съ египетскими муміями и древнѣйшими изваяніями. Такъ, въ одинъ день соединялось многое, что отъ древнѣйшихъ временъ переносило всецѣло во времена „Василевсовъ“.

Мы вышли на Гипподромъ... „Гдѣ нынѣ блистающій верховнаго Правительства одѣждѣ; гдѣ свѣтлыя свѣтила; гдѣ плесканія рукъ и ликованія и торжествованія; гдѣ вѣнны и разные уборы, гдѣ градская молва и на конскихъ ристаніяхъ похвалы и зрителей ласкательства. Все то миновало, и возвѣявшій нечаянно вѣтръ листы съ древа обилѣ, и то древо голосъ и отъ самаго

корени зыблемое намъ показалъ... Гдѣ нынѣ притворные друзья, гдѣ обѣды и ужины, гдѣ ласкателей множество, чрезъ весь день вина изливаніе и разныхъ поваровъ приспѣшество и служители, все ко угожденію власти творящіе. И на разсвѣтъ дня ничего не стало; цвѣты были, весною растущіе, а по прошествіи весны всѣ увяли, тѣнь была и минула, дымъ былъ и исчезъ, пузырь былъ и лопнулъ, паутина была и изорвалась" *)...

Тутъ колонна Θεодосія Великаго, т. е. правильнѣе Тутмеса Египетскаго, и колонны Константина Багрянороднаго и Серпентинская. Одинокое стоятъ эти памятники былого среди мерзости запустѣнія. Горделиво возвышается мечеть Ахмета съ своими 6 минаретами, но не затмитъ она Св. Софію, какъ бы того ни желалъ ся строитель! Ему сказали, что нельзя воздвигать шестого минарета, что это удѣлъ только Мекки, которую превзойти никто не можетъ. Но не остановился на этомъ Султанъ Ахметъ, и поставилъ лишній минаретъ въ Меккѣ, лишь для того, чтобы имѣть право достроить свою мечеть, какъ онъ того хотѣлъ.

Мечеть Ахмета стоитъ на крутомъ берегу лицомъ къ Мраморному морю. Здѣсь древній Акрополь, или капитолій Византіи. Здѣсь возвышался дворецъ Императоровъ — Висолеон, первый дворецъ до постройки Влахернскаго Небdomon. На скагѣ къ морю груда зданій безобразныхъ Турецкихъ на развалинахъ древней

*) См. о. н. Іованна Златоустаго о покаяніи.

Византіи. Среди нихъ выдвигаются храмы, инынѣ обращенные въ мечети, храмы на которыхъ уцѣлѣли кресты и сохранились греческія надписи. Одинъ изъ нихъ — Св. Сергія и Вакха, т. е. „Малая Св. Софія“ поражаетъ своею сохранностью. „Церковь эта, построенная Юстиніаномъ и украшенная Феодорою, была освящена во имя двухъ мучениковъ Сергія и Вакха, связана съ древнею церковью Петра и Павла, но обращена еще Юстиніаномъ въ мужской монастырь. Антоніе говоритъ: „Запредгоріемъ есть церковь (в. муч. Сергія и Вакха и главы ихъ ту лежатъ и рука Сергіева. Теперь никакихъ слѣдовъ въ монастырѣ кругомъ, ни часовни во имя Богородицы не сохранилось. Лишь малая калитка въ приморской стѣнѣ съ надписью указываетъ на устройство монастыря, имѣннаго вѣроятно свою малую пристань въ углу, образуемомъ сосѣднею башнею, и свои родныя ловни“... Возстановитель иконопочитанія Патріархъ Месодій былъ его игуменомъ *).

Драгоцѣнны фрески и мозаика Мечети „Кахри-Джами“ — это также бывший храмъ на берегу Золотого Рога. Древній монастырь *Хора* — нѣкогда загородный (такихъ монастырей въ Константинополѣ было 47). Они лежали внѣ стѣнъ Феодосія Великаго со стороны суши и могутъ быть сравниваемы съ Московскими обителями **).

По мнѣнію Н. П. Кондакова, монастырь *Хора* „принадлежитъ вѣку Комненовъ, и весьма вѣроят-

* Н. Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886.

** Тамъ же, стр. 171.

но, какъ сообщастъ Никифоръ, что жена Андроника Дукаитеша Императора Алексѣя Комнена, по его женѣ Иринѣ, построила въ XI вѣкѣ эту церковь въ современномъ видѣ*.

Недалеко отъ Гипподрома въ захолустѣ за какимъ-то грязнымъ деревяннымъ зданіемъ существуетъ лѣстница каменная, спускающаяся въ подземелье. Мы спустились по этой лѣстницѣ при свѣтѣ факела—ступенька за ступенькой словно въ бездну, голоса наши раздавались подъ сводами, полдерживаемыми рядомъ колоннъ, исчезающихъ въ темнотѣ. Далеко вдали и внизу, гдѣ дно, тамъ прозрачная и чистая, какъ хрусталь, вода.— Это остатки древнихъ Византійскихъ цистернъ. Впечатлѣніе неожиданное и потрясающее.

Ясно и осязательно всплываетъ этотъ давно минувшій Византійскій міръ среди развалинъ Гипподрома. Нѣтъ сомнѣній, что здѣсь былъ центръ политической жизни города. Здѣсь и дворецъ Висолон и храмъ Св. Ирины, а въ двухъ шагахъ отъ него—Св. Софія! Тутъ же у Буколлона была и пристань, о которой упоминаетъ Анна Комненъ. „Внѣ стѣнъ выдвигалась изъ за скалъ мраморная пристань, съ изображеніемъ каменнаго льва, хватающаго быка за горло— ради чего и весь дворецъ называется Висолон *)“.

Съ этой пристани Императоръ и его дворъ садились, когда они водою направлялись въ Влахерны. Мы долго колебались, откладывая посещение Св. Софії.

*) Gaspari, стр. 339.

И вотъ мы взошли въ притворъ, окружающій главное зданіе храма. Сразу надвинулись на насъ мозаичные своды, и величественныя двери съ греческими надписями бросились въ глаза у самаго входа; мы перешагнули черезъ порогъ и стали... Но что сказать и какъ выразить почувавшія чувства? Слово нѣтъ и нѣтъ ему выраженія. То было особенное чувство, — и очень смѣшанное, — тревоги и волненія, восторга, глубокой грусти, и не отвязчиво преслѣдовала мысль: неужели же навсегда, на вѣки вѣчныя здѣсь не раздастся слова Божія? Неужели замурованныя, закрашенныя иконы и эти кресты, сквозящія донынѣ сквозь толстый наносный слой, неужели стѣны не заговорятъ и не сбросятъ тяжкаго наслоенія вѣковъ? — За нами пристально слѣдили какіе-то люди въ чалмахъ съ недобрыми, подозрительными лицами, они не отходили отъ насъ и довели до экипажей.

Св. Софія! Невольно вспомнишь описаніе богослуженія лѣтописцевъ, когда послы Владиміра не знали, гдѣ они: на землѣ или на небѣ; и не много нужно воображенія, чтобы представить себѣ эти своды храма, оглашаемые дивными пѣснопѣніями.

По мѣрѣ пребыванія въ Константинополѣ слабѣли впечатлѣнія современности, и сильнѣе всплывали отраженія минувшаго, которымъ отдались поневолѣ и всецѣло. Понятно желаніе стать ближе къ этому минувшему, къ изученію его, къ ознакомленію съ нимъ нашихъ соотечественниковъ, не всегда углубляющихся въ даль вѣковъ,

а намъ русскимъ все здѣсь особенно дорого, и мѣста своего и наслѣдственныхъ по духу правъ своихъ мы никому не уступимъ. Но для борьбы съ враждебными теченіями внѣшними и внутренними намъ нужно вооружиться знаніемъ и усвоить себѣ то, что теперь вся просвѣщенная Европа признаетъ достойнымъ изученія. Вотъ почему особенно хотѣлось бы видѣть русскіе путеводители по Константинополю, но такіе которые бы удовлетворяли русскому чувству; мы одни отстали отъ другихъ и словно не ясно еще сознаемъ свое здѣсь первенствующее историческое значеніе.

Намъ говорятъ, что народности Балканскаго полуострова въ распрѣ непримиримой, что всѣ онѣ тянутся въ ту же сторону и предъявляютъ болѣе или менѣе сомнительныя права, если не на наслѣдіе Константина, то на первенствующее значеніе на Востокѣ.

Въ 1453 году Византійская имперія пала, и орелъ ся возродился въ Россіи. Прошли вѣка; въ тяжкомъ рабствѣ пребывали народности Греціи, Болгаріи и Сербіи. Восточные патріархи, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, видѣли въ одной Россіи знамя спасенія, и общеніе это не прерывалось до Петра. Весь Востокъ сознавалъ, что будущее въ рукахъ того государства, которое одно способно поддерживать христіанское населеніе. XVIII вѣкъ показалъ, что надежды эти не были тщетны, а XIX вѣкъ почти завершилъ освобожденіе. Голосъ историческій заучить сильнѣе современныхъ,—имъ не заглушить этого

голоса. За Россію, а не за кѣмъ-либо другимъ, на Востокъ православномъ первенствующее значеніе—за Россію, которая сильна еще тѣмъ, что почти изсякло у освобожденныхъ народовъ. Они нерѣдко орудіе нашихъ общихъ враговъ, хитро направляющихъ свое враждебное намъ дѣло и послѣдовательно раздувающихъ рознь между православными; не даромъ же иностранные изслѣдователи въ области исторической и художественной за послѣднее время такъ занялись Византіей.

Но довольно. Прежде, чѣмъ закончить этотъ, блѣдный очеркъ Константинопольскаго пребыванія 1899 года, не могу однако не оживить въ памяти потрясающаго впечатлѣнія при осмотрѣ всѣхъ стѣнъ городскихъ, отъ Семи-башеннаго замка до Влахернъ.

Мы двинулись въ путь рано утромъ прямо на Стамбуль и мимо мечети Баязида. Здѣсь любовались кормленіемъ завѣщанныхъ султаномъ многочисленныхъ голубей.

Путь нашъ направлялся къ Семибашенному замку черезъ старыя части Византіи, нынѣ застроенныя множествомъ грязныхъ, полуразвалившихся зловонныхъ домиковъ, которые тянутся по безконечнымъ кривымъ и узкимъ донельзя улицамъ. Солнце сильно припекало, и намъ казалось, что мы никогда не выберемся изъ этихъ улицъ, изъ этого гнѣздилища всякихъ мерзостей и нечистотъ.

Мы и не замѣтили, какъ мало по малу приближились къ Мраморному морю. Кое-гдѣ сквозилъ просвѣтъ, и голубая морская полоса промельк-

нула передъ глазами. Стало какъ-то легче на душѣ, и пріятно было сознаніе, что мы наконецъ, выбираемся изъ Стамбула. И вотъ дорогу нашу загородила башня, сквозь которую сквозили ворота. Мы въѣхали въ эти ворота и очутились среди широкаго двора, заросшаго травой и бурьяномъ. Кругомъ возвышались мрачныя, сѣрыя стѣны, на концахъ торчали зубчатая башни съ небольшими окнами въ видѣ щелей. Это Семибашенный замокъ—„heptapergion“.

Насъ повели въ тюрьму, гдѣ содержались заключенные. Узкимъ, низкимъ, темнымъ ходомъ пробрались мы въ эти мрачныя комнаты подъ сводами, куда почти не доходило свѣта. Всѣ стѣны исписаны подписями. Невольно вспомнились и русскіе, здѣсь когда-то томившіеся, а между ними сопровождавшій Шафирова въ 1711 году, Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ.

Когда мы вышли изъ темницы, то очутились на крышѣ замка, откуда открывался изумительный видъ на Мраморное море, городъ и его окрестности. Трудно было оторваться отсюда, но проводникъ насъ торонилъ, ибо предстоялъ еще осмотръ всей стѣны.

Мы въѣхали въ ворота и двинулись вдоль глубокаго рва по направленію крѣпостныхъ стѣнъ.

Съ лѣвой стороны тянулось Турецкое кладбище, съ правой—рвы, стѣны и башни съ воротами. Подробное описаніе ихъ и изученіе необходимы, и пора русскому путешественнику прочесть это описаніе на родномъ языкѣ. Пора оживить это прошлое и распространить объ немъ побольше

и поглубже свѣдѣній. У каждой башни своя лѣтопись и какая лѣтопись! И вотъ мы наконецъ подъѣхали къ воротамъ, продѣланнымъ въ башнѣ, за которыми тинется узкая улица города. Навопросъ, какая это башня, получили въ отвѣтъ— это врата Св. Романа.

Здѣсь палъ подавленный множествомъ послѣдній Константинъ, четвертый сынъ Мануила Палеолога и Елены Сербской. Вотъ мы въѣхали въ эти врата Св. Романа, хотѣлось ближе понять окружающее, и бросилось здѣсь въ глаза что-то, чего не было въ другихъ мѣстахъ. Прежде всего показалась маленькая еле замѣтная церковь съ крестомъ на одинокомъ куполѣ, и было отрадно видѣть уцѣлѣвшій этотъ храмъ именно на такомъ мѣстѣ. Хотѣлось подняться на стѣну, чтобы оттуда на все взглянуть, но взойти было трудно, къ тому же показались турецкіе солдаты, содержащіе здѣсь почему-то караулъ, и проводникъ намъ посовѣтовалъ не настаивать. Безсознательно сѣли мы въ коляски и, не вполнѣ отдавая себѣ отчета, гдѣ мы и куда ѣдемъ, двинулись въ путь внутреннюю стороною крѣпостной стѣны. Вскорѣ послѣ вогъ Св. Романа мѣстность мѣняется, образуя довольно глубокую котловину, соотвѣтственно съ которой опускаются и крѣпостныя стѣны. Понятно, что эта котловина въ смыслѣ защиты представляла самое слабое мѣсто, и тутъ-то находились тѣ маленькія ворота (карка porta), чрезъ которыя проникли Турки. Мы, не останавливаясь, скорѣ очутились на днѣ котловины въ какомъ-то необычайномъ захолустьѣ.

Населеніе кочевало у стѣнъ; убогія палатки и разный скарбъ красовался на солнцѣ. Насъ обступили женщины въ лохмотьяхъ, дѣвушки, дѣти и задерживали экипажи. „Челеби, челеби!“ кричали они, напирая и протягивая руки, хватая за платье и пробираясь къ карману. Между ними одна дѣвушка была замѣчательной красоты. Они пѣли, играли въ бубны. Это цыгане—, какъ пояснили намъ—, всегда живущіе у крѣпостныхъ стѣнъ; но въ этомъ мѣстѣ насъ обдало сильнымъ смрадомъ, и мы поспѣшили далѣе.

Черезъ Андрианопольскія врата мы выѣхали опять за городъ и продолжали путь вдоль укрѣпленій къ Золотому рогу.

„Удивительное впечатлѣніе производитъ здѣсь турецкое кладбище, которое тянется вдоль стѣнъ съ наружной стороны дороги и рва.

„Вокругъ, подъ большими деревьями, вершины коихъ превышаютъ зубцы крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ— возвышаются тѣснившіяся другъ къ другу мусульманскія гробницы. Здѣсь повидиму похоронены многіе изъ бойцовъ 1453 года—фанатическихъ дервишей и янычаръ, бросавшихся до десяти разъ на приступъ христіанскихъ стѣнъ. Мусульманскіе воины почиваютъ здѣсь подъ мостовой того самого двора, по которому вѣками проходили Императорскія шествія. . . Безчисленные соловьи заливаются въ дивныхъ пѣсняхъ, безшумно протекаетъ небольшой ручей Hagiasma, нѣкогда посвященный Св. Василію, на которомъ возвышался храмъ Св. Николая. Столѣтній плющъ украшаетъ стѣны и поднимается

до вершины башенъ, скрывая наполовину имена автократоровъ Михаила Гутинваго и сына его Θεοφла тысячами вьющихся и цѣпляющихся во-кругъ растений....

„Великія воспоминанія представляются нашему взволнованному воображенію:

„Константинъ, котораго современники сравни-ваютъ съ Архангеломъ Михаиломъ, Архистрати-гомъ небесныхъ силъ — сраженъ былъ съ мечемъ въ рукахъ. Когда первая стѣна была совсѣмъ уничтожена, а ровъ переполненъ множествомъ труповъ и наслоеніемъ фашинъ, тогда боролись рукопашно впереди главной стѣны, разгромленной огромными пробоинами. Самъ Императоръ гром-кимъ голосомъ воодушевлялъ окружавшихъ. Около него толпились: Никифоръ и Θεοφιльт Палеологи, Дмитрій Кантакузенъ, Францискъ Толедскій, Іоаннъ Далматинскій, Маврикій Кат-танео и др., а надъ ними развѣвался червленый стягъ Палеологовъ. Долго держался онъ, ободряя защитниковъ *)).

Большой приступъ въ ночь съ 28 по 29 мая 1453 года продолжался неистово въ теченіе нѣ-сколькихъ часовъ, на Византійцевъ сыпался градъ стрѣлъ, камней и пуль, на турокъ греческій огонь, кипяченное масло и расплавленная смола. Когда наступающіе казались ослабѣвшими, ихъ возвращали въ бой свѣжія силы, расположен-ныя въ тылу. Еще наканунѣ Императоръ при-частился во Влахернскомъ дворцѣ... Онъ палъ геройскою смертію у вратъ Св. Романа....

*) Schlumberger.

Близъ Золотого Рога, на выдающемся краю города, особенно сильно было укрѣплено. Здѣсь и донныя остатки стѣнъ, окружавшихъ дворецъ Влахернскій (Hebdomon). „То было предмѣстье столицы Suburbium и потому считалось окраиною города. Въ этомъ мѣстечкѣ были гавань, дворецъ, въ которомъ останавливались Императоры, приплывая изъ походовъ, а также — гдѣ они показывались народу, когда собирались ради триумфа или торжественнаго коронаванія вступить въ городъ чрезъ Золотыя ворота“...*)

Прочтите историческія свѣдѣнія о дворцѣ Влахернскомъ, о значеніи этого мѣста и вообще этой стороны Цариграда, и тѣмъ сильнѣе будетъ въ насъ впечатлѣніе не всегда замѣтной, при бѣгломъ проѣздѣ, загложнувшей и заброшенной твердыни, излюбленной Комненами и Палеологами. Къ сожалѣнію мѣстоположеніе Влахернскаго дворца въ точности неизвѣстно. Есть указаніе, что онъ находился на западѣ и Сѣв. зап. отъ церкви Влахенской Б. Матери **).

Позади, у самыхъ дворцовыхъ вратъ, храмъ Влахернскій — обращенный въ Императорскую церковь. Здѣсь императоры, императрицы и многочисленные сановники неподражаемаго двора слѣдили за службами церковными. Въ священный источникъ, донныя вытекающій изъ крипты, нѣкогда погружались всѣ императоры и императрицы — отъ великой Пульхеріи до Константина Палеолога. Нѣтъ пожалуй ни единого жи-

*) Schlumberger.

**) Кондакомъ.

тели столицы отъ V и до XV вѣка, нѣтъ путешественника, прибывавшаго въ Византію, который бы не совершилъ паломничества къ этому мѣсту. Не было святыни въ Великой имперіи порфирородныхъ болѣе посѣщаемой. Здѣсь окончательно сложенъ былъ нерушимый хитонъ patriarchion Пр. Дѣвы — знаменитое одѣяніе, вновь найденное въ 469 г. въ царствованіе Льва у благочестивой еврейки Іерусалима и вначалѣ врученное въ церковь Св. Петра и Марка *).

Икона Пр. Дѣвы Влахернской была святынею Константинополи.

Не одно церковное зданіе не занимаетъ большаго мѣста въ Византійской жизни, какъ Св. Софія, Великая церковь — глава Православнаго Востока, мѣсто пребыванія Православнаго Патриархіата. Исчезъ знаменитый Императорскій дворецъ, какъ исчезаетъ все въ Турецкой землѣ, превращаясь въ пустыню, убѣжище для жалкаго населенія, стираясь незамѣтно съ лица земли и изъ памяти людской. . . . На развалинахъ ихъ растутъ деревья, воздвигаются темныя мечети и грубыя Турецкія жилища.

„Канки, ежедневно доставляющіе прапонтрскихъ и туристовъ къ мечети и къ кладбищу Эйюба, и другіе болѣе многочисленные, которые въ майскія пятницы перевозятъ на сладкія воды Европы-группы женщинъ съ яркими feredge, какъ женъ пашей, такъ и простыхъ гражданокъ, — проходятъ поспѣшно мимо этой крайней возвышенности, новаго Рима, но никому изъ этихъ

* Кондаковъ.

безчисленныхъ прохожихъ нѣтъ дѣла до этой почвы. Нужна особая любовь къ дѣламъ минувшаго, чтобы привлечь на мѣсто исчезнуваго стараго дворца нѣсколько безстрашныхъ изыскателей.

Намъ показываютъ также и т. н. „дворецъ Велизарія“ на поворотѣ къ Золотому Рогу, вдоль котораго также тянутся остатки укрѣпленій. Съ одной стороны Hebdomon, съ другой Eynob, другъ противъ друга—оба полны преданій, но міровъ враждебныхъ, здѣсь столкнувшихся въ роковой борьбѣ!

„Но взгляните въ эти развалины, въ эти остатки прошлаго величія! Византійцы и Османы, умершіе и умирающіе, здѣсь наглядно могутъ подвести итогъ всему прошлому. Но гдѣ же будущее и возможно ли возрожденіе?“ *).

Мрачны величественныя развалины и кладбища, осыняемые кинжарисами. Мрачны и улицы города, примыкающаго къ древнимъ стѣнамъ. Опять кривые, грязные и зловонные переулки, опять дома, на дома не похожіе, заколоченные, зловъшіе, и вотъ на поворотѣ небольшая ограда, осыенная крестомъ. Вы входите въ тѣсный дворъ и узенькой дорожкой проникаете въ низменное зданіе, на которомъ воздвигнутъ крестъ. Здѣсь родникъ и источникъ, икона, горящая лампада и убогая церковь. . .

Гдѣ мы и откуда это убожество на мѣстѣ святѣ, явно уцѣлѣвшемъ отъ лѣтъ древнихъ? Откуда искра свѣта, среди окружающей тьмы? И на

*) Schlumberger.

вопросъ отвѣчаютъ, что это храмъ Влахернскій, вѣковая, завѣтная святыня Византіи, рапация Blachernitissa, покровительница царствующаго града и „до дне сего“, а родникъ—это hagiaσμα—по прежнему привлекающій вѣрующихъ, священный источникъ Византіи, въ которомъ совершался торжественный обрядъ омовенія. И пока не затмится свѣтъ Влахернской лампы, мы пребудемъ въ твердой и неизмѣнной вѣрѣ, что наконецъ настанетъ желанный день возрожденія, что вновь просіяетъ здѣсь свѣтъ Христовъ и озаритъ грядущіе вѣка.

Григорій Сергій Шереметевъ.

11 Января 1900 г.

С. И. В.

